

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ОПЫТА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАПАДНЫХ СОЦИОЛОГОВ

В статье проводится сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта формирования этических принципов в исследовании новых религиозных движений (НРД) посредством этнографического метода. Автор описывает опыт отечественных исследователей НРД, опираясь на материалы проведенного опроса экспертов.

Ключевые слова: этнографический метод, новые религиозные движения, профессиональная этика.

Отражающий принципы профессиональной этики полевого социолога кодекс, регулирующий определенные моменты поведения исследователя, стал разрабатываться и использоваться в рамках различных профессиональных ассоциаций антропологов и социологов (например, Британской социологической ассоциации). Тем не менее, на что указывает, например, известный исследователь М. Агар [1], эти этические кодексы оказываются недостаточно гибкими для реальной ситуации этнографического исследования, поскольку в отношениях с респондентами люди составляют представление о тебе на основе того, как ты ведешь себя день за днем, а не по тем официальным заявлениям, которые ты им предоставишь вначале. Таким образом, официальные кодексы задают лишь каркас этикета исследователя; конкретное поле исследования требует своих нюансов в реализации регламентированных этических принципов.

Решение вопросов, связанных с конструированием позиции исследователя, зависит от сферы, в которой проводится этнографическое исследование. Пожалуй, наиболее остро проблема влияния профессионального этикета на отношения с объектом и качество описания встает в сфере исследований религиозной тематики, и особенно – в области изучения новых религиозных движений (НРД) – религиозных групп, возникших после Второй мировой войны и не признанных на данный момент традиционными в конкретном обществе.

Специфика предмета НРД проявляется главным образом в той «противоречивости», которая окружает данное явление в социуме, провоцирует напряженность в сфере определений НРД, продуцируемых различными «лидерами мнений» – средствами массовой информации (СМИ), социальными исследователями, самими движениями, а также антикультовыми движениями. Можно выделить две особенности в формировании этических принципов в среде исследователей НРД.

Во-первых, исследователь НРД осознает себя функционирующим за пределами академического сообщества в качестве одного из «лидеров мнений» в области создания образов НРД, конкурирующим с другими лидерами мнений. В частности,

известная британская исследовательница А. Баркер выделяет четыре основных типа таких лидеров мнений: СМИ, сами НРД, социальные исследователи и антикультовое движение (АКД) [2].

Для каждого из этих типов характерны: специфические цели описания, приоритетная информация, включаемая в описание, а также исключаемая, непопулярная информация, метод получения данных, а также способы их публикации. В частности, СМИ ориентируются на «задевающие за живое» истории, которые могли бы привлечь внимание зрителей или читателей, используя при этом интервью с теми, кто более доступен и кто может более красочно преподнести информацию. Дж. Бэкфорд, британский исследователь, опираясь на контент-анализ британских печатных изданий 1975–1985 гг. [3], показал, каким образом основанная на подаче сенсаций манера СМИ сформировала в обществе восприятие культов в лучшем случае как непонятных, а в худшем – как деструктивных. Он рассматривал способы, которыми журналисты создают представление о культах.

Во-первых, он обращает внимание на то, что аудитория имеет мало шансов встретить информацию о «культах», в основе которой не лежало бы сообщение о «конflikте» – такой вывод делает Бэкфорд на основании 15-летнего изучения проблемы НРД в Западной Европе, Северной Америке и Японии. Специфика освещения темы НРД в СМИ такова, что на основании информации о конфликте, связанном с одним культом, строятся предположения, домыслы о потенциальной опасности, исходящей от других культов, что особенно заметно было в британских газетах после инцидента с Уэй(ко) (в 1993 г. 53 взрослых члена религиозного поселения «Ветвь Давида», основанного Д. Коршем в окрестностях г. Уэй(ко), покончили с собой, будучи преследуемы Бюро по контролю за соблюдением законов об алкогольных напитках, табачных изделиях, огнестрельном оружии и взрывчатых веществах и подвергшись осаде войсками ФБР): даже в тех странах, в которых практически не слышали о культах, журналистами тиражировалась информация о «сектах-убийцах».

Во-вторых, конфликт служит тем лейтмотивом, который связывает любые выходящие в СМИ сообщения о НРД. Любую информацию о сектах, даже нейтрального плана, предваряет напоминание о проблематичности, угрожающем характере этого явления в целом.

В-третьих, сообщения о НРД из одних СМИ заимствуются другими СМИ, таким образом, повышая эффект воспринимаемой реалистичности и надежности информации (так, в телепередаче могут показать заголовки газет с громкими характеристиками культов и т. д.). Кроме того, журналисты используют прием подмены информации о непосредственных событиях информацией о деятельности репортеров, создавая эффект нагнетания атмосферы, в частности, журналистам был запрещен вход на территорию общины Уэй(ко) после произошедшего там инцидента, однако журналисты расположились по периметру территории, что позволило СМИ заменить прямые репортажи, сделать которые было невозможно, теми историями, которые рассказывали съехавшиеся журналисты.

В-четвертых, накопление массива сообщений об «опасных культах», представляющих главным образом трансляцию журналистами мнения антикультистов, формирует общественное мнение, а общественное мнение, в свою очередь, начинает задавать отношение к сектам со стороны официальных властей: в частности, представители полиции не возьмут на себя риск защищать секты, о которых известно так мало и еще меньше – хорошего, если эти секты подвергнутся агрессивным нападениям. Опять же влияние сформированного СМИ негативного общественного мнения по отношению к культам проявилось, например, в том, замечает Дж. Бэкфорд, что для освещения ситуации с Вако были приглашены эксперты, хорошо известные своим антикультистским настроем, – мнение нейтральных специалистов из сфер социологии, психологии и других фактически не озвучивалось.

Целью антикультового движения является «разоблачение» опасных религиозных «сект», соответственно, стиль их описаний подразумевает использование негативных фактов и атаку на позитивные, основными источниками информации для АКД выступают бывшие члены новорелигиозных движений, а также родители тех, кто присоединился к НРД (о «внешней модели» воздействия на сознание, легшей в основу популярного антикультистского тезиса «промывки мозгов», было упомянуто выше).

Сами НРД ориентированы на продвижение своего вероучения и саморекламу, таким образом, выпускаемая ими литература содержит, как правило, избирательно позитивные факты о самих движениях и умалчивает о негативных.

Таким образом, этический аспект формирования позиции исследователя НРД оказывается связан с поиском определенной ниши в ряду других лидеров мнений в области формирования образов НРД. В частности, А. Баркер позиционирует свою этическую позицию академического исследователя как «методологический агностицизм», подчеркивая независимость научных описаний НРД, в противовес несбалансированным образам НРД, поступающим от других лидеров мнений в этой области.

Во-вторых, исследователи НРД стремятся придерживаться определенных этических принципов [2]:

– специализированность описания: научное описание НРД должно исключать теологические суждения: выводы о существовании Бога, богов, сверхъестественных существ находятся вне компетенции социологов; поскольку объектом интереса служит, например, то, каким образом вера в них определяет поведение людей, социолог действует с некоторой метапозиции, которая и подразумевается под «методологическим агностицизмом»;

– нейтральность категориального аппарата: социологи используют определенные идеальные типы и концепты в своих описаниях, оговаривая, что они под ними подразумевают – некий функциональный дискурс, в идеале свободный от негативных коннотаций;

– свобода от оценки и обоснованность описания: социолог стремится оградить исследование от собственных ценностей, религиозных взглядов и т. д. Возможность достижения такой отстраненности неоднократно оспаривалась, но тем не менее в арсенале социолога имеется метод, позволяющий ограничить исследовательскую субъективность, – это сравнительный метод, или техники триангуляции, т. е. помещение изучаемого НРД в более широкий контекст методов (не только наблюдения, но и статистические данные, корреляции, использование контрольных групп) и мнений.

На базе этих этических принципов функционирует созданный А. Баркер в 1988 г. в Лондоне на базе Школы экономики (The London School of Economics and Political Science), с поддержкой правительства Великобритании «ИНФОРМ» (Information Network Focus on Religious Movements) – информационная сеть неорелигиозной тематики, предоставляющая сведения о верованиях и деятельности различных новых религиозных движений. На официальном сайте итальянского аналога ИНФОРМа – ЧЕСНУРа – также изложены ключевые этические нормы, которыми руководствуются организации и исследователи, входящие в него, и которые в основном совпадают с теми, которые выделяет А. Баркер: исключение вопросов о «законности», «аутентичности» или «истинности»

теологических систем движений и использование сбалансированной информации, предполагающей сопоставление различных источников данных [4].

Создание информационных сетей позволило исследователям НРД в Великобритании и Италии легитимировать роль социолога как посредника между новорелигиозными движениями, с одной стороны, и членами семей последователей НРД, правительственными организациями, юристами и т. д. – с другой. В процессе достаточно длительной практики этнографических исследований НРД европейские социологи выработали определенную этическую ориентацию в отношении своего объекта исследования и в отношении «лидеров мнений» в данной теме. Опыт отечественных исследователей в указанной сфере отличается от опыта западных исследователей.

Одной из особенностей исследований НРД в России является смешение статусов и идентичностей лидеров мнений в сфере создания образов НРД. Выше рассмотрены четыре основных категории таких лидеров мнений, которые выделяет А. Баркер, а также характерные для них фокусы интереса и способы получения информации. В России специфической характеристикой «рынка мнений об НРД» становится православная «окраска» антикультового движения, а также высокая степень недифференцированности информации, исходящей от различных групп лидеров мнений. Рассмотрим специфику функционирования различных групп лидеров мнений в области создания образов НРД в России.

На Западе АКД сложилось как оппозиция к деятельности НРД и состояло из обеспокоенных родителей, бывших членов НРД, негативно воспринимавших свой опыт пребывания в них, а также отдельных психиатров, психологов и юристов. Что касается России, то здесь образованный родителями Комитет по спасению молодежи проявил себя главным образом в лоббировании Закона о свободе совести и религиозных объединениях 1997 г. и в дальнейшем практически не проявлял активности, оказавшись достаточно неорганизованным формированием [5]. В России наиболее активными представителями АКД стали православные лидеры, и в частности А. Дворкин, в 1993 г. возглавивший Информационно-консультативный центр священномученика Иреня Лионского (ИКЦСИЛ, организованный в 1993 г. под эгидой Отдела образования и катехизации Московского патриархата), популяризирующий концепцию тоталитарных сект и «зомбирования сознания». По мнению М. Штерина, факторами, облегчившими легитимацию подхода лидера этого центра – А. Дворкина стали «ассоциация ИКЦСИЛ с Русской православной церковью, с одной стороны, и его связь с некоторыми анти-

культовыми группами на Западе – с другой» [6]. В 2006 г. под руководством Дворкина была создана Российская ассоциация центров изучения религии и сект (РАЦИРС), представители которой являются преимущественно священниками Русской православной церкви, претендуют на статус консультативного центра, осуществляющего мониторинг СМИ, проводящего независимые религиоведческие экспертизы и исследования различных религиозных объединений [7].

В статье «Новые религии, культы и секты в России», которая содержит критический анализ доклада А. Дворкина о культах в России, М. Штерин выделил основные черты методологии и аргументации А. Дворкина как одного из представителей «антикультистского» дискурса.

Во-первых, концепция А. Дворкина базируется на концепции «управления сознанием», отсылающей к концептам «тоталитарность» и «деструктивность», которые не принимаются в научном сообществе, поскольку являются скорее ярлыками, несущими негативную коннотативную нагрузку, своеобразным «социальным оружием» [8].

Во-вторых, А. Дворкин использует ненадежные источники информации. Его аргументация основывается преимущественно на избирательной подборке газетных историй, интернет-сообщений, частных мнений при систематическом игнорировании фактических данных. В рамках деятельности РАЦИРС (основана в 2006 г., президент – А. Дворкин) не было проведено ни одного социологического исследования. Тем не менее распространяемая ассоциацией информация и терминология широко используется государственными органами и популяризуется в общественном дискурсе [9].

Что касается СМИ, то механизм их работы в России обнаруживает сходство с теми принципами отбора информации в западных масс-медиа, о которых говорит Дж. Бэжфорд. Отечественные СМИ склонны изображать НРД как угрожающие, странные, эксплуатирующие, жестокие и провокативные – причины такого однобокого подхода к явлению НРМ коренятся в механизмах коммерции, диктующих свои правила (погоня за сенсациями, борьба за внимание аудитории с конкурентами) и культурных стереотипах журналистов. Производимые антикультистами образы «тоталитарных сект» соответствовали требованиям к информационным сообщениям, ценным для СМИ, поскольку являлись скандальными и привлекали внимание аудитории. Соответственно, в середине 1990-х гг. российские масс-медиа, по словам Агаджаняна, «захватила волна антикультизма... пресса изобиловала статьями о психологических травмах, воздействиях на детей, разводах и даже преступлениях и самоубийствах, связанных с деятельностью сект в России» [10].

Группы академических исследователей НРД функционируют на факультетах университетов (МГУ, РГГУ, КГУ), существуют также отдельные негосударственные объединения, в которых социологи участвуют в качестве экспертов, в частности Славянский правовой центр, с которым работает группа С. Филатова, В. Кравчук (РАГС). Функционирует также объединение российских исследователей религии – РУСОИР, в которое входят исследователи религиозной тематики из различных регионов. Наиболее известные интернет-проекты, представляющие материалы по религии, и по новорелигиозным объединениям в частности, в которых публикуются отчеты академических экспертов, – это «Русский архипелаг», портал Credo, информационный центр «Сова», а также популярный проект петербургской исследовательницы «Упельсинкины страницы». Некоторые из экспертов, принадлежащих к академической среде, входят также в государственные службы, занимающиеся вопросами межрелигиозного диалога, в частности Совет по делам религий (некоторые из экспертов работают там на постоянной основе, например Иваненко; другие выступают в качестве экспертов, например Фаликов, Кравчук).

В отличие от европейских социологов, которые в настоящий момент находятся на стадии создания информационных сетей при поддержке государства, академические исследователи новых религиозных движений в России не выработали независимой позиции и находятся в достаточно дискомфортной ситуации борьбы за легитимность собственного дискурса с конкурентами – другими производителями информационных сообщений об НРД – журналистами и антикультуристами.

С одной стороны, российские исследователи не ощущают поддержки государства. Опрошенные эксперты отмечают невостребованность той информации об НРД, которой они владеют; прежде всего они указывают на отсутствие поддержки и интереса со стороны государства. В том, что касается ситуации 1990-х гг., они сходятся во мнении, что изначально, по крайней мере, присутствовал определенный интерес со стороны властей в силу экзотичности и непонятности появившихся движений. Как считает один из исследователей, «в период госслужб был заказ, но это другой заказ, т. е. там были и структуры, там было финансирование, там было много чего, что требовалось для публикаций, и т. д. В начале 90-х тоже все-таки какой-то интерес возник, и именно из-за того, что испугались. Испугались, истерика, вот я помню, в марте 94-го был первый съезд в РАГСе бывших уполномоченных по делам религии, упраздненных законом 90-го г., и одновременно я присутствовала на съезде православных деятелей там же в РАГСе,

буквально через несколько дней, где батюшки, ученые, в рясах, они там буквально «рубались» – что это такое творится, Россию заполонили сектанты и т. д. Но... этот переварился в большой мере интерес». Указанный момент вспышки интереса к НРД и, соответственно, к экспертам в этой области в 1990-х гг., а затем его постепенное угасание отмечали и другие эксперты. Как считает, например, один из экспертов, «все 90-е прошли, начало 2000-х уже – такой модус вивенди возник: власть принимала информацию от борцов с сектами и культурами как научную и на этой информации строила свое отношение».

Соответственно, исследователи новых религиозных движений ощущают, что в настоящий момент экспертный анализ ситуации, а также конкретные эмпирические исследования в целом неинтересны органам государственной власти. Один из сотрудников РАГС комментирует это следующим образом: «такое ощущение... что эти проекты все... на них выделяют деньги, да, выделяют деньги на какие-то другие вещи, связанные с религиозной жизнью в нашей стране, для цивилизованного изучения, анализа... Но все то, что выходит, так сказать, в качестве результата, не всегда бывает востребовано. Вот тот же проект Филатова. Или наши какие-то проекты – они легли под сукно. То есть государство выделяет деньги, но результатами этого оно не пользуется. Как была неразбериха какая-то в этом отношении у нас, так она и осталась, какое-то вот вероисповедование стратегической магистральной линии я не вижу. Заинтересованности нет, может быть, время не пришло...»

С другой стороны, еще одной особенностью положения исследователей НРД является то, что сама проблематика их исследований ставит их под подозрение в «ангажированности» уже в рамках непосредственно академического сообщества. Для исследователей НРД в России характерен высокий уровень недоверия друг к другу непосредственно в среде академических ученых, занимающихся вопросами религии. По труднообъяснимой причине именно вопросы, связанные с религиозным мировоззрением и конфессиональной ориентацией, провоцируют атмосферу подозрительности и обвинений в «сектанстве», «ангажированности» или, по крайней мере, в экономической зависимости. Очевидно, что идеалом фактически любого академического ученого является полная экономическая независимость, но на практике это вряд ли достижимо. В частности, на религиозные исследования в России в начале 1990-х гг. гипотетически можно было получить американский грант, но они имели специфическую окраску: деньги давались под защиту человеческих прав и свободы религии (и в реальности никто из опрошенных экспертов

в рамках подобных грантов не работал). В основном подозрение вызывает спонсируемость исследователя самими НРД – предполагается, что неорелигиозные организации могут заказывать информацию, а исследователи выдают соответствующий сфальсифицированный отчет о движении.

В действительности сложно было бы выяснить, платят ли представители тех или иных религиозных организаций какие-то деньги тем или иным исследователям, в какой форме и объеме они это делают и каким именно образом это сказывается на содержании статей о них. Безусловно, лица, отвечающие за связи с общественностью в неорелигиозных организациях, стараются расположить к себе специалистов, как и любых влиятельных людей, делая им определенные подарки, приглашая на свои мероприятия и угощая, – по-видимому, это можно считать «нормальными деловыми взаимоотношениями». Кроме того, некоторые западные организации, финансирующие исследования, в частности Кестонский институт, с которым изначально работала группа Филатова, являются конфессионально ориентированными. Вопрос в том, где проходит та грань, за которой исследователь уже чувствовал бы себя обязанным делать «приукрашенные отчеты» и в чем именно заключается эта «ангажированность текста» в конкретной ситуации?

Рискно предположить, что ни один из опрошенных мною экспертов не считает себя «ангажированным». При этом он может, во-первых, подчеркивать свою собственную финансовую самостоятельность и с этой позиции оценивать других исследователей как «необъективных». Как оценивает ситуацию один эксперт: «...я со строгими своими западными критериями – когда они тоже там ко мне подкатывались; муновцы меня пытались все как-то. Я четко говорил: ребята, если я вас изучаю – не положено... Я знаю, что те, кто этим в 90-е годы занимался, так на подсосе они были... И это тоже мне не понравилось, но что делать. Академическая среда – она же абсолютно нищая была, на что людям жить? Им даже исследовать не на что было... Я помню, меня кришнаиты пытались в паломничество бесплатно свозить... Я сказал: ребята, нет, на свои денежки поеду».

Во-вторых, некоторые из экспертов говорят о том, что в конечном счете источник финансирования не напрямую определяет позицию исследователя. Например, другой эксперт на вопрос о том, влияет ли источник финансирования на объективность исследователя, ответил: «Если вы будете работать у Дворкина – будет влиять на сто процентов... Я вообще-то находил такие источники, где никак не влияли. Если намек был, что это хоть как-то повлияет на мою позицию, я от контакта отказывался. И мне удалось выдержать такую пози-

цию. Могу сказать, что здесь нет ни одного процента влияния тех, кто меня финансово поддерживал. Это полностью позиция моя и моих коллег». Другими словами, можно предположить, что в случае отсутствия прямого, четко определенного заказа со стороны НРД (а такой в реальности едва ли возможен, по крайней мере, в современной России, где большинство новорелигиозных движений не занимаются активно связями с общественностью и конструированием своего имиджа, а те немногочисленные организации, которые занимаются, предпочитают другой подход – налаживание хороших отношений, не располагая в то же время значительными финансами, чтобы покупать для себя мнение экспертов и СМИ, исследователь вполне может позиционировать себя как в конечном итоге независимого эксперта – у него остается пространство для самоидентификации. Другое дело, что исследователь может чувствовать симпатию к движению (особенно, если с ним в нем «носятся»), и, соответственно, выдавать несколько одностороннюю картину или считать, что стиль солидных публикаций не должен включать в себя «жареных негативных фактов». Но проблема в этом случае заключается не в «продажности исследователей», а в отсутствии реальных эмпирических исследований; несбалансированность информации может считаться общей производной от такого стиля сбора информации, как «свободное общение», и не быть напрямую связанной с вопросом финансирования исследований. Тем не менее уровень доверия исследователей НРД друг к другу достаточно низкий.

Кроме того, исследователям НРД приходится сталкиваться с недоверием коллег и за пределами узкого круга экспертов, проводящих эмпирические исследования. Представители НРД воспринимаются академическим сообществом на каком-то иррациональном уровне абсолютными «чужими», а любая связь с ними соответственно интерпретируется как предвзятая и сомнительная с точки зрения «объективности». Одна из экспертов рассказала: «Мне два года назад заявили мои коллеги, что я не могу пользоваться абсолютным доверием как бахаи, потому что я как бы формально 10 лет вхожу в эту организацию. Я говорю: ребята, я же еще и Белый Брат, я же не только бахаи, я же еще и оленидаловец, и сахаджа-йог: посвящение в прошлом году приняла». Другой эксперт комментирует этот момент следующим образом: «В России в этом смысле очень негативная атмосфера. То есть культы и секты – это однозначно... вот вам, как социологу, это будет любопытно – во всех практически слоях общества воспринимаются негативно...» Соответственно, те, кто пишет или дает интервью о тех или иных движениях, автоматически

превращается в массовом сознании в их апологета, что сами эксперты очень хорошо на себе ощущают. В частности, во время проведения интервью один из экспертов высказался следующим образом: «Не случайно у меня вызывает беспокойство это мое сегодняшнее интервью, потому что в нашем контексте... Вот в любом другом контексте – спросили бы ученого, чем для него привлекательна сайентология. Он бы ответил – такие-то, такие-то факторы работают, рационально объяснил все... Но в нашем контексте, в нашей социально-политической, социально-культурной ситуации это будет абсолютно точно выглядеть как защита бандитов, которые манипулируют людьми».

Итак, академические исследователи новых религиозных движений находятся в достаточно дискомфортной ситуации борьбы за легитимность собственного дискурса с конкурентами – другими производителями информационных сообщений об НРД – журналистами и антикультуристами. С одной стороны, они не ощущают поддержки государства, а с другой – сама проблематика их исследований ставит их под подозрение в «ангажированности» уже в рамках непосредственно академического сообщества. Такая несколько маргинальная позиция исследователей накладывает отпечаток на понимание этикета взаимоотношений с информантами – представителями НРД.

Список литературы

1. Agar M. The professional stranger. New York, 1980. 227 p.
2. Barker E. The scientific study of religion? You must be joking! // Journal for the scientific study of religion. V. 34, № 3. 1995. P. 287–310.
3. Beckford J. A. The Mass Media and New Religious Movements // ICJ. V. 2, № 2. 1994.
4. URL: <http://www.cesnur.org/about.htm#ing>
5. Иваненко С. И. Кришнаиты в России: правда и вымысел. М., 1998. 296 с.
6. Штерин М. С. НРД в России 1990-х годов // Старые церкви, новые верующие. М., 2000. С. 165.
7. <http://www.anticekta.ru/Racirs/1.html>
8. Баркер, Ричардсон. Кришнаиты в России / под ред. Иваненко. С. 144.
9. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России: религиоведческий анализ. 2006. С. 388
10. Агаджанян. Религия в массовом сознании постсоветской России // Старые церкви, новые верующие. М., 2000. С. 123.

Филькина А. В., кандидат социологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская обл., Россия, 634061.
E-mail: kav1293@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.05.2010.

A. V. Filkina

AN ETHICAL ASPECT IN RESEARCHES OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS: COMPARISON OF DOMESTIC AND WESTERN SOCIOLOGISTS EXPERIENCE

In the article the comparative analysis of domestic and foreign experience of ethical principles formation in ethnographic research of new religious movements (NRM) is carried out. The author describes the experience of domestic researchers NRM, based on the materials of the interrogation carried out among experts.

Key words: *ethnographic method, new religious movements, professional ethic.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.
E-mail: kav1293@mail.ru